

БЕССМЕРТНЫЙ ★ **РОМАНЫ**
БАТАЛЬОН ★ **О ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЕ**

Сергей Зверев
ЛОБОВАЯ
АТАКА

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
З-43

Коллаж на обложке *Петра Волкова*
В коллаже использованы 3d иллюстрации *А. Малахова*

Зверев, Сергей Иванович.

З-43 Лобовая атака / Сергей Зверев. — Москва : Эксмо, 2022. — 288 с. — (Бессмертный батальон. Романы о Великой Победе).

ISBN 978-5-04-167793-0

1941 год. Во время жестоких боев на смоленском направлении экипаж танка Т-34 младшего лейтенанта Алексея Соколова попадает в плен. Искоренную машину немцы отгоняют на ремонтный завод, а самих танкистов определяют в специальный лагерь, где им предстоит дожидаться своей участи. Но фашисты не торопятся их казнить. Соколов узнает, что немецкое командование в целях пропаганды готовится снять постановочный фильм о танковом поединке русских и немецких экипажей, в котором наглядно победят германские асы. Лейтенант понимает, что этот «бой» будет для пленных танкистов последним. Он решает использовать подвернувшийся шанс, чтобы вырваться на свободу...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Зверев С.И., 2019
© Оформление.

ISBN 978-5-04-167793-0

ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ГЛАВА 1

Небо было низкое, тяжелые дождевые тучи ползли, казалось, цепляясь за верхушки деревьев. Жара мгновенно сменилась прохладой, потянуло дождевой свежестью, зашевелились придорожные кусты и ветки на чахлых деревцах склона высоты 71,8. Если дождь и не пойдет, то немецкая авиация все равно сегодня не налетит. Значит, есть время для укрепления позиций.

Командир батальона майор Парамонов шел с командирами подразделений по позициям, где кипела работа. Углубляли и укрепляли развороченные взрывами или засыпанные окопы, восстанавливали блиндажи и огневые точки. За шесть дней боев высоту несколько раз перепахивали бомбами немецкие самолеты, с закрытых позиций была тяжелая немецкая артиллерия. Стреляли танки, минометы, но высота оживала каждый раз-, когда враг шел в атаку.

Сейчас комбата хотя бы не тяготили раненые, отправленные в тыл на тех машинах, которые привезли боеприпасы. Но легкораненые почти все остались в строю. Примером для многих был стар-

ший политрук Васильев. Раненая кисть левой руки начала распухать и темнеть под повязкой. Военврач, приехавшая с машинами, осмотрела руку политрука и категорически велела ему отправляться в санбат. Может начаться гангрена, и тогда не спасти руку.

Но Жорка Васильев, молодой парень, бывший студент, парторг факультета Краснодарского пединститута, только поблескивал темными глазами и, упрямо стиснув зубы, застегивал гимнастерку. И когда военврач, молодая энергичная женщина, пригрозила политруку, что доставит его на лечение под конвоем, он вдруг стиснул ее руку здоровыми пальцами правой руки и посмотрел в глаза таким взглядом, от которого даже у врача с пятнадцатилетним стажем похолодела спина.

— Я останусь все равно, вы должны понять, — шептал ей Жорка, оглядываясь по сторонам, не слышат ли бойцы. — Я сейчас для них всех не менее важен, чем пулеметы и пушки. Поймите, солдат не оружием силен. Он силен духом, верой в правое дело, которое защищает. Он силен пониманием того, что самое главное дело на земле сегодня и сейчас — защищать вот эту высоту. И все, ничего больше в мире не существует. И не будет существовать уже никогда, если он отдаст высоту врагу. Понимаете?

— Но есть же командиры, в конце концов, — прошептала в ответ военврач, поправляя очки. —

Можно прислать другого политрука, из тыла, раз это так важно.

— Нет, — твердо ответил Васильев. — Это будет нечестно. Никто из нас на высоте не проживет больше двух суток. Все, кого вы сейчас видите, умрут. Здесь умрут, на этой высоте. У меня просто не успеет развиваться гангрена, доктор. Уходите, уезжайте, здесь скоро начнется такое, чего вам не надо видеть.

Политрук говорил таким голосом, с такими интонациями, что военврач поднялась на непослушных ногах и огляделась по сторонам. Она видела солдат, командиров, а в голове звучали слова раненого политрука. И она видела перед собой еще живых, двигающихся людей. Они курили, смеялись, торопливо восстанавливали окопы и блиндажи, но они... они были уже мертвыми. Военврач сняла очки, тряхнула головой, отгоняя наваждение. Потерев уставшую переносицу, она снова надела очки и медленно пошла между окопами к машине. Она смотрела и молча прощалась с этими людьми.

— Лейтенант Лукьянов, — комбат показал рукой на линию окопов, — занимаете правый фланг. Ваш сектор обороны от ориентира «устье оврага» до ориентира «одинокое стоящее дерево». Борисов, ваш сектор...

Соколов шел последним за группой командиров, среди которых осталось только три офицера, включая и самого комбата. Взводами, в которых оставалось по десятку человек, командовали сер-

жанты, ротами — лейтенанты, причем вон тот, Борисов, был техником-лейтенантом из роты обеспечения. Но сейчас не важна квалификация. Надо просто стрелять, вдохновлять бойцов. Надо просто удержаться на позициях роты, и все.

— Младший лейтенант Соколов! — комбат повернулся, ища глазами танкиста. — Ну, на тебя у меня особая надежда. Ты моя самая надежная огневая точка. Показывай свою позицию.

Внизу экипаж заканчивал выкапывать танковый окоп. Вот Бабенко завел двигатель, и танк плавно спустился в прямоугольную яму. Логунов повернул башню в одну сторону, в другую. Видимо, глубина была достаточной, и обзор тоже. Двигатель танка заглошили. Рядом пехотинцы помогали восстанавливать блиндаж, накатывая третий ряд бревен на крышу.

— Первая линия обороны, — Соколов показал на местности рукой, — от дороги соседа справа. Окопы в полный профиль с двумя блиндажами. Пулеметные гнезда: два на флангах вынесены вперед на шесть метров. Два пулеметных гнезда в линии окопов с возможностью фланкирующего огня. Огневые точки расчетов противотанковых ружей отнесены на десять метров назад. Окоп для танка — на второй линии обороны в ста метрах.

— Надо было в первой линии ставить, — усталосоветовал старшина с седыми прокуренными усами. — Бойцам спокойнее, когда такая громада под боком из пушки лупит.

— Сто метров, — повернулся Соколов к старшине, — это два броска гранаты. Прорвавшиеся в первые траншеи немцы все равно не смогут забросать танк кумулятивными гранатами, а танк сможет прикрывать позицию из второй линии. Сто метров — не расстояние для пушки и пулеметов. К тому же противник, выявив позицию закопанного танка, предпримет самые активные действия по ее уничтожению. В этом случае пехота прикрытия понесет неоправданные потери.

— Ладно, ладно, — махнул рукой комбат. — Мне тебя и так рекомендовали как грамотного командира с боевым опытом. Как твоя пехота, надежные ребята?

— Среди них красноармейцы, которые успели побывать в немецком плену, товарищ майор, — немного тише ответил Соколов. — Они понимают, что, независимо от причин, по которым каждый попал в плен, это все равно позор для советского солдата. И они рвутся смыть его кровью. Это красноармейцы, побывавшие в окружении, и партизаны из местного населения, которые видели, что несут фашисты нашей стране, ее народу. Они готовы умереть, но не пропустить ненавистного врага дальше. Это надежные бойцы, я им верю.

— Хорошо, Соколов, готовь позицию. Я думаю, сегодня немцы атаковать не будут. Они понесли большие потери в прошлый раз и без поддержки авиации или артиллерии не сунутся. Авиация сего-

дня не вылетит из-за погоды, а артиллерию им еще надо сюда подтянуть. Я тебе пришло бойцов с маскировочной сеткой. Натянешь над танком. Всем командирам подразделений быть на КП батальона в 23.00 и доложить о готовности обороны. Все, выполняйте.

Козырнув, Соколов поспешил к своему танку. Без отдыха, вымотанные длительными переходами и почти непрерывными стычками с врагом, танкисты снова оказались на передовой.

Десять дней назад Алексей получил приказ в составе ударной группы, в которую вошел его танковый взвод, выйти в тыл немцев в районе Бобруйска на временно оккупированной территории и разыскать штаб генерала Казакова. Приказ Алексей выполнил, хотя группа практически вся погибла. Он с одним своим танком все же разыскал штаб мехкорпуса генерала Казакова. И с остатками последней роты, что осталась со штабом генерала и партизанами, вышел к своим.

Вышли они удачно, ударив в спину наступавшей немецкой части в самый разгар ее атаки на укрепленную высоту 71,8. Удар пробивавшейся через линию фронта группы был своевременным. Атака захлебнулась, батальон получил передышку, подкрепление и боеприпасы. Танк Соколова и его сводное пехотное подразделение начальство оставило на высоте, к которой они вышли из окружения.

— Торопитесь, ребята, торопитесь, — подходя к своему экипажу, заговорил Соколов. — Немцы могут атаковать в любую минуту. Мы не знаем, какими они силами располагают, может, к ним подкрепление подошло.

— Да мы почти и закончили, товарищ младший лейтенант, — уверенно заявил командир башни Логунов, прихлопывая рыхлую землю на бруствере лопатой. — Сейчас только кустиков навтыкаем для маскировки да сухой травы набросаем, чтобы свежая земля не бросалась в глаза. Омаев! Зайди-ка спереди, следопыт, глянь, как мы со стороны смотримся.

Руслан молча выбрался из окопа и пошел вперед. Ни улыбки, ни ответа на обычную шутку. «Парень замкнулся, ушел в себя, — подумал Соколов. — Как он в бою себя поведет? Не сорвался бы по молодости лет».

Логунов тоже смотрел на Омаева оценивающе. Все-таки командир башни и командир танкового отделения, как называлась должность сержанта. Экипаж в его подчинении, он отвечает за всех перед взводным командиром. Да только во взводе у Соколова остался всего один танк. В другое время танкисты бы пошутили, что начальства больше, чем подчиненных. Но сегодня всем было не до шуток.

Пока группа была в тылу у немцев, думали о возвращении, и почему-то казалось, что вот вернуться — и все испытания останутся позади. А дей-

ствительность напомнила о себе, война не окончилась. Хуже всего то, что Красная Армия, отбиваясь и контратакуя, откатывалась постепенно на восток. Сознать, понимать это было страшно. Конца этому отступлению не было видно. И то, что вышедших из окружения бойцов и танк оставили на высоте в виде пополнения батальона, который ее удерживал, говорило о многом. Положение на фронтах довольно скверное.

Соколов присел возле механика-водителя Бабенко, который осматривал гусеницу, катки и амортизаторы подвески с левой стороны. Самый старший по возрасту в экипаже, Бабенко был человек уравновешенный, беззлобный. Инженер, в прошлом водитель-испытатель Харьковского завода, на котором производили танки Т-34, он любил технику, не мог и минуты просидеть без дела, чтобы не начать что-то проверять, регулировать, осматривать. Вот и сейчас, только бросив лопату, он опять что-то осматривал.

— Как дела, Семен Михайлович? — спросил Соколов.

— Дела наши не очень, товарищ младший лейтенант, — покачал Бабенко головой. — Далек без ремонта нам не уехать. Смотрите, пальцы погнуты вот здесь и здесь. Траки слетят на первом же километре. Направляющие катки повреждены. У этого снаружи осколком снаряда нанесено повреждение, а вот эти плохо вращаются. Руку приложите. Чув-

ствуєте? Горячие еще. Если слетят, то без мастерской нам не починить. И один из амортизаторов потек. Не могу сказать точно, но, думаю, процентов на шестьдесят...

— Не ломайте голову, Семен Михайлович. — Соколов положил руку на плечо механика. — Для нас с вами сейчас важно только одно — чтобы танк стрелял. Остальное — дело десятое. Мы — бронированная неподвижная огневая точка. Некуда нам отсюда уходить. Выстоим — значит, отремонтируют нас. А если не выстоим... тогда и говорить не о чем.

— Так все плохо? — тихо спросил Бабенко.

— Эту высоту надо удержать. Хоть двое суток еще выстоять. Вот и вся задача.

Соколов не стал уточнять, что по истечении этих двух суток тем, кто останется жив, могут дать приказ отойти и соединиться со своей частью. Но учитывая, с каким упорством и ожесточением немцы пытаются взять высоту, тут через два дня никого из защитников не останется. А часть отойдет на восток на новые рубежи. И никто поврежденный танк отсюда, скорее всего, тащить на буксире в тыл не будет. Да и буксира никакого не будет. А экипаж обязан в соответствии с требованиями Боевого устава танковых войск РККА защищать во время боя поврежденный танк, а после боя принять меры к его эвакуации. А если это невозможно, то уничтожить его, чтобы боевая машина не досталась врагу. Защищать позицию танкисты будут, но вот при

отступлении по приказу командования им танк с собой не забрать. И придется «семерку» уничтожить. Бабенко этого еще не понимает. Нет в нем «военной косточки», а вот сибиряк Логунов со своим опытом Финской войны понимает. И тоже хмурится. Нет-нет да подойдет к танку, проведет рукой по броне. Заранее прощается с ним, как с живым.

Когда солнце село и на землю опустилась сырая ветренная ночь, экипаж устроился в восстановленном блиндаже при свете аккумуляторного фонаря с котелками. И танкисты, да и бойцы батальона Парамонова вот уже три дня не ели горячего. Сегодня вместе с патронами и гранатами машина привезла на высоту продукты питания. Под деревьями на обратном склоне высоты снова заработала полевая кухня, потянуло душистым дымком. Соколов спрыгнул в окоп, прошел по короткой траншее и откинул брезент у входа в блиндаж. Логунов подвинулся на сколоченной из тонких березовых стволов лежанке, давая место командиру.

— Вот, ребята, передайте командиру, — послышался из дальнего угла блиндажа заботливый голос Бабенко.

Механик размотал ватник, в который был завернут котелок Соколова, чтобы в нем не остыло содержимое. Алексей поблагодарил и накинулся на кашу с мясными консервами. Бабенко закурил. В низкой землянке запахло душистым табаком. Омаев поморщился, но промолчал. Логунов по-

рылся в своем вещмешке, достал фляжку и налил в кружку водки. Соколов подумал, сомневаясь, пить или не пить. Но потом взял кружку в руки. Усталость давала о себе знать, нужно было снять напряжение и хотя бы немного поспать.

— Ну, ребята, — Алексей обвел взглядом свой экипаж, — давайте, чтобы нам всем остаться в живых.

Горячее потекло по жилам, распространяясь по всему телу, в голове чуть зашумело. Алексей ел, чувствуя, что он голоден как волк, глотал, почти не жуя, разваренную кашу. Танкисты молчали и смотрели, как ест командир. Смотрели по-разному. Омаев напряженно, ждал, какие будут приказы и когда ждать боя. Логунов с Бочкиным переглядывались и подмигивали друг другу. Сибирякам было легче всех, они земляки, знали друг друга до войны, почти родня. А вот Бабенко снизу смотрел на командира почти с отеческой нежностью, покуривая и щуря по-доброму глаза.

Выскоблив ложкой котелок дочиста, Алексей облизал ложку и только теперь понял, что экипаж не сводит с него выжидающих взглядов. Поставив пустой котелок на пол у входа, лейтенант блаженно откинулся спиной на стену и вытер пальцами губы. Да, что такое носовой платок, он уже и забыл.

— Ну что там начальство? — первым спросил Логунов на правах сержанта и командира отделения.

— Начальство ждет новых атак. У немцев нет иного выхода, кроме как постараться сбить нас от-

сюда и выйти к Рославлю, а там по шоссе прямоком на Москву. Обходить нас далеко, там укрепились другие части, закопались в землю. И нашим надо успеть отойти и закрепиться в районе Ельни. Я так понял, что дыр в нашей обороне для прорыва своими танковыми колоннами немцы нашли много. А у нас не хватает сил их вовремя латать.

— Значит, из нас здесь будут отбивную делать, — пыхнул дымом Бабенко. — Стоять так стоять. Только мне, как механику-водителю, лучше бы ехать.

— Позиция хорошая, — тоном знатока сказал Логунов. — Слева болото, справа овраги. Кроме как у подножия нашей высоты, нигде не проехать. А дальше чистое поле, есть где развернуться. Если немцы высоту возьмут, они будут держать под контролем очень большую территорию и две дороги. Одно слово, господствующая высота.

— С такими силами нам долго не продержаться, — серьезно сказал Бочкин. — Видел я сегодня позиции. Многие восстановили, но перепаханно было снарядами и бомбами страшно. Вот попрут танки завтра, и чем мы их задержим? Кроме нашей «семерки», тут только несколько пушек-сорокапятка да бронебойные ружья.

— Нет, Коля, ты не прав, — усмехнулся Соколов. — Ты просто не знаешь, что такое танк в укрытии, что такое закопанный танк. Мы можем стрелять прицельно на дистанции до полутора километров. Это чтобы наверняка. Можем и на боль-

шей дистанции, но лучше начинать выбивать немецкие танки на полутора километрах. И учти, что они нас не сразу увидят, учти, что им будет видна только башня. Да еще такая обтекаемая, как у нашей «тридцатьчетверки». Это орудие на позиции они могут подбить легко. Попал снаряд в оружейный «дворик», и все. Орудийный расчет погиб, орудие повреждено осколками. Панорама прицела, например, «откатник». А нас осколками не испугаешь, нас и не каждый снаряд возьмет, если даже прямое попадание будет. Вот и считай, сколько мы можем вреда принести немцам, какой урон!

— Ну это да, — согласился Бочкин. — Хорошо, что у нас не «БТ» какой-нибудь.

— Да, сюда бы два-три танка «КВ», — сказал Соколов. — Немцы бы вообще не прошли никогда. Я слышал, как рассказывали командиры-танкисты про случай в Литве.

Это было на второй день войны. Один танк «КВ» оказался на пути немецкой танковой дивизии в районе городка Расейняй¹. Точнее, он оказался в тылу между наступающими передовыми частями дивизии и путями тылового снабжения.

¹ Этот случай описывал в своих мемуарах генерал-полковник Эрхард Раус, который в июне 1941 года был полковником и командовал танковой группой в составе 6-й танковой дивизии 41-го танкового корпуса вермахта. Этому эпизоду он посвятил в мемуарах целых 12 страниц. Немцы похоронили экипаж, если верить Раусу, с воинскими почестями.

У ребят просто кончилось горючее, и они не смогли выйти из окружения. А немцы никак не могли обойти танк. Не было там на местности такой возможности. Они ничего с нашим «КВ» не могли поделывать двое суток. А он ведь стоял на открытой местности. Правда, броня у него не то что у нас. Но все-таки он был один. Его обстреливали, к нему пытались подобраться саперы, чтобы подорвать, на него пытались выставить артиллерийскую батарею, мощную зенитную пушку, которая только и могла пробить его броню. Наши танкисты уничтожили колонну грузовиков, батарею, несколько танков. Но не это главное, а то, что в результате действий экипажа целая дивизия задержала наступление на двое суток и понесла потери на передовой из-за не вовремя подвезенных горючего и боеприпасов.

— Ну мы, конечно, не «КВ», — солидно поддержал командира Логунов. — Но и у нас есть подкалиберные бронебойные снаряды и в нас попасть не так просто. И мы не одни. Так что повоюем, хлопцы!

Танкисты промолчали. Наверное, каждый подумал о своем. А может, просто все так устали за этот день, что даже говорить не было сил. После такого трудного и опасного рейда по тылам снова оказаться на передовой, выкопать танковый окоп размером четыре на пять метров и глубиной чуть больше метра да еще с аппарелью спуска длиной два с половиной метра.

Алексей закрыл глаза. Напряжение спадало, и его мысли вернулись не к последним боям, не к картинам гибели танков его взвода. В памяти всплыли аллеи городского парка Куйбышева, засыпанные кленовыми и березовыми листьями. И он, торопливо бегущий по аллее, и девочка в берете и коротком синем пальто с букетом красных листьев в руке. Давно... еще до войны... Как будто десятки лет назад...

— Товарищ младший лейтенант, — кто-то сильно тряс Соколова за плечо, — товарищ младший лейтенант, немцы!

— Что? — Соколов сразу проснулся, как будто вынырнул из другого мира, из своих видений, и увидел перед собой Омаева.

— Звук моторов, много, — быстро заговорил радиотелеграфист-пулеметчик. — Приказ от комбата укрыться в щелях и ячейках. Перед атакой будет авиационный налет. Пришло сообщение с поста ВНОС¹ в полосе обороны дивизии. На нас идут бомбардировщики.

— Поднимай экипаж! — Соколов вскочил на ноги и стал застегивать ремни портупеи, поправляя на ремне кобуру с пистолетом.

Небо посветлело, рассвет был бледным, холодным, без обычных ярких красок. Небо за ночь

¹ Пост ВНОС — Пост воздушного наблюдения, оповещения и связи.

почти очистилось от туч. По опушкам лесочка внизу со стороны позиций немцев полз туман. Танкисты побежали к своей «семерке». Нужно бы брезентом накрыть люки, надеть брезентовый чехол на орудие, чтобы земля от разрывов бомб не попала внутрь. Соколов сам стал проверять крепление маскировочной сети, натянутой над танком. Легкий мандраж то ли от застывшей во время сна спины, то ли от волнения перед налетом мешал, пальцы не слушались, но Алексей упорно проверял узлы, стараясь думать только о деле, только о соответствующих пунктах Боевого устава. Дурацкое состояние, оно уже было знакомо лейтенанту. Во время боя, когда ты идешь на вражеские танки, на позиции, на артиллерийские батареи, все зависит от тебя, от твоего экипажа. Ты выбираешь путь, по которому поведешь танк, путь, на котором танк наименее виден противнику, когда сокращается время прицеливания и враг ведет в основном неприцельный огонь по твоей машине, когда ты маневрируешь, выходишь из зоны сплошного огня, сам стреляешь, выбирая цели и поражая их огнем пушки и пулеметов. Но когда тебя молотят тяжелые орудия с закрытых позиций или когда на тебя валят и валят с неба бомбы немецкие бомбардировщики, с воем входят в пикирование, то чувство беспомощности возрастает. Ты ничего не можешь сделать. Во время танкового боя ты можешь свести влияние случай-